

Феномен онтологии этноса

Жапаров Д.

*Жапаров Дурболон / Durbolon Zhararov - кандидат философских наук,
президент общественной академии ученых Кыргызской Республики, профессор,
Кыргызский государственный университет культуры и искусства им. Б. Бейшеналиевой,
г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: *онтологические аспекты этноса долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Только в последние годы онтология этноса становится объектом научных изысканий, что объясняется деидеологизацией сущности этноса, его природы и психологии. В статье также рассматриваются вопросы формирования, уровни национального бытия, его формы состояния и существования.*

Ключевые слова: *философские ценности, онтология, этнос, толерантность, этнокультура, этнобытие, национальный дух, душевная деятельность, трансцендентное.*

УДК: 390:156.4

XXI век станет поистине веком переоценки философских ценностей. Если предыдущее двухтысячелетие ознаменовалось величайшими открытиями, то наступившее трехтысячелетие должно стать эпохой свободы творческого поиска и развития этнической индивидуальности.

В ушедшем веке научный анализ этноса страдал формационно-ценностным подходом. Исторические типы или формы этноса, его социальное содержание напрямую зависели от типа и уровня развития той или иной общественно-экономической формации.

В контексте формационной теории Маркса этнос или нация (мы в данном случае эти понятия отождествляем) воспринимаются лишь как один из винтиков человеческого общества. На самом деле любое государство или общество является этническим. Даже в многонациональном государстве превалирует титульный этнос, имя которого носит данное государство. Данный факт говорит о необходимости восстановления бытийности статуса этноса.

Государственность или тот или иной тип общества, который представляет собой лишь социальные формы организации и управления жизнедеятельностью этноса. Следовательно, противопоставление одного другому равносильно разделению тела человека от его физиологических процессов.

Существование во времени предшествовало этносу как понятию, что сбивало с толку ученых мужей при определении причин и условий его возникновения. Существование по отношению к этносу выступает в двух противоположных ипостасях: в первом случае оно приближает этнос к самоидентификации, во втором – обезличивает его представителей. При этом существование этноса исчисляется с того времени, когда его еще не было в настоящем. Этнос, возникнув в конкретное время, начинает жить почему-то тем прошлым, которого у него не было. Поэтому он вечный заложник прошлого вне времени. Из-за этого ученые до сих пор не могут установить даже примерный временной рубеж появления этноса.

Возраст этноса можно условно измерить временем. В этом смысле временное пространство выступает как один из модусов любого этноса. Он сознательно заселяется на это пространство, чтобы придать ему формы и содержание собственного существования. Абстрактное время приобретает социальный статус. Жизнь этноса протекает от настоящего к будущему через прошлое. Такая парадоксальность объясняется тем, что этнос все, что познает, пропускает через свое прошлое, сверяет с ним. Он принимает из настоящего только то, что соответствует или переключается с ним. Но настоящее под давлением непредвиденных обстоятельств часто противоречит прошлому этноса в угоду объективным интересам жизни. Вместе с тем нельзя забывать о том, что этнос существует одновременно в настоящем, прошлом и будущем.

Существование этноса в настоящем. Прежде всего, напрашивается вопрос: откуда берется и из чего складывается настоящее этноса?

Настоящее есть всего лишь обостренное чувство времени. Этнос постоянно существует в настоящем, хотя его выражение находится в образах прошлого. Существование – настоящее порождает само себя. У него нет ни начала, ни конца.

Существование-настоящее есть динамично пульсирующая эмпирическая данность. Оно есть сама стихия двух противоборствующих сил – этнической и социальной. Оно всегда вещественно. Данное свойство делает его временным, текучим. Существование этноса в настоящем обретает себя, теряясь в прошлом, но остается покинутым, брошенным совсем в будущем.

Существование-настоящее — «это не просто присутствие и наличность в данный момент» (Г. Г. Гадамер). В действительности, подлинное существование есть смысл, содержание. Существование-настоящее наполняет жизнь этноса всего лишь определенным содержанием. Но смысл существования-настоящего этноса определяет прошлое. Содержание настоящего представляет собой непрерывный поток, который часто меняет свое направление движения и развития. Только прошлое сообщает ему смысл, обесценивает само содержание, уступая место следующему накату волны жизни.

Однако в настоящем существует сам этнос, а не этнос в настоящем. И ему самому почти невозможно выйти из настоящего, по крайней мере, очень трудно. Чтобы осознать свое место в настоящем, этнос должен постичь

сущность настоящего. И она для него пока иллюзорна, неуловима. Поэтому этнос остается заложником настоящего до тех пор, пока настоящее не станет частью его собственной истории.

Существование этноса в прошлом. Социальное пространство прошлого лежит между настоящим и будущим. Следовательно, этнос существует одновременно в трех временных координатах национального бытия: настоящем, прошлом, будущем. Эти временные измерения есть основной критерий его существования. Существовать - значит быть во времени.

Но поскольку прошлое есть «потухший вулкан» настоящего, то в нем еще сохраняется содержимое настоящего в спрессованном состоянии.

Этнос постоянно находится в заложниках у прошлого по доброй воле. Потому что он в прошлом чувствует себя уютно, его ничего не тяготит, он заряжается духовной энергией.

Существование-прошлое продлевает жизнь настоящему этносу, ибо оно не может шагу шагнуть без прошлого. Этнос при всем желании не может обойти свое прошлое, ибо он пребывает в нем постоянно. Дело в том, что жизнь настоящего бесформенна. Форму существования своего содержания настоящее берет у прошлого. Содержание настоящего зачастую привносится извне, поэтому оно, по закону апперцепции, который был открыт еще Отто Бауэром, не приживется в той или иной среде национального бытия, пока оно не пройдет через «горнило» самобытности народа. Основной смысл принципа национальной апперцепции сам О. Бауэр раскрывает следующим образом. Он пишет, что «подобно тому, как индивидуум не просто, не механически воспринимает что-нибудь новое, а вводит его в состав своего духовного бытия, делает его частью своей личности, усваивает его всем своим духовным «я», его апперципирует, так и целая нация ничего нового не воспримет механически, а приспособит его ко всему своему бытию, изменит, переработает его в процессе восприятия миллионами голов. Благодаря этому великому факту национальной апперцепции, ни одна мысль, заимствуемая одной нацией у другой, не будет воспринята прежде, чем она не будет переработана, приспособлена ко всему национальному бытию» [1].

Само прошлое этноса «отличается какой-то призрачной нереальностью, неподвижностью и неизменностью» [2]. Причиной тому является то, что само прошлое существует лишь в устоявшихся формах, они находятся вне пространства содержательной системы настоящего. Содержание этих форм давно ушло в небытие или умерло, оставив после себя только форму собственного существования, адекватную себе, чтобы не потерять связь с последующим настоящим. Форма сама по себе консервативна, неподвижна, и она есть прошлое этноса. Связь между настоящим и прошлым осуществляется посредством неизменных, постоянных, но всегда востребуемых настоящих форм. Эти формы приводят в движение само содержание настоящего, придают ему форму самовыражения и динамизма. Но сами формы существуют в одном случае в виде образа мышления, восприятия мира, даже тогда, когда породившие обстоятельства жизни, которых давно не существуют, в другом – как стиль поведения, образ жизни.

Выдающийся востоковед Н. И. Конрад в своих работах приводит идею о том, что «каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется в истории отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо» [3].

В истории остается лишь то, что пережито, и то, что выстрадано конкретным народом. История человечества есть всего лишь понятийный уровень мыслительного восприятия. Она никогда не существовала и не существует как эмпирическая данность.

Прошлое постоянно пребывает в этносе. Он именно через него может противопоставить себя себе подобным. Пребывание прошлого в этносе разобщает его с настоящим, но, как ни парадоксально, еще больше приближает к будущему. Прошлое довлеет над этносом, отдаляет его от самого себя, порождает бунтарей особого типа, но обостряет и повышает энергетичность национального духа. Лишь в период исторических катаклизмов и социальных потрясений этнос начинает проникаться более рельефно содержанием настоящего, временно высвобождаясь из-под груза прошлого. Но каждая новая духовная ситуация служит посредником превращения прошлого в исторически духовное в самосознании этноса, что дает возможность этносу познать себя в самом себе.

Прошлое способно существовать и материально в виде вещей, культурных памятников, бытовых традиций, обычаев и духовно в форме целой системы взглядов на мир, понятий и идей.

Поэтому прошлое существует в этносе непрерывно в разных состояниях и формах.

Существование этноса в будущем. Здесь он живет в иррациональном мире. Этнос верит и надеется на лучшее. Значит, он существует. В действительности этнос, как и любой другой человек в отдельности, существует ради своего будущего. Для него настоящее и прошлое тоже существуют для будущего. Значит, они служат строительным материалом для сооружения реального здания будущего.

Парадоксальность существования этноса в будущем заключается в том, что он верит в то, чего нет пока в реальности. Этнос, находясь в настоящем, погруженный в свое прошлое, уже существует мысленно одновременно в будущем. Следовательно, границы будущего проходят через прошлое посредством настоящего. Они взаимосвязаны между собой, поскольку вместе составляют единое пространство существования этноса.

Будущее для этноса – это неверие в настоящее, но критическое отношение к прошлому с тем, чтобы взять его с собой в дорогу к будущему. Может быть, прав К. Ясперс, который писал, что «никто не может знать, что

же действительно старое и что, собственно говоря, будущее: эпоха еще неясна в своей сущности, поэтому – не понимая ни себя, ни ситуации – люди борются, быть может, против подлинного смысла» [4].

Этнос есть пережитое событие в пространстве и времени. Оно фиксируется в форме духовных ценностей различных эпох. Организация душевного устройства и его содержание зависят от того, что пережито, выстрадано этносом. Объект переживаемого уходит из реальной жизни, а его перевоплощенный образ остается в памяти этноса в виде чувств, эмоций, идей, которые потом продолжают оказывать влияние на его самосознание длительное время. В этом смысле эпоха – часть этноса. Она всегда эгоистична. В целях увековечить себя создает целостную систему духовных ценностей как основание познания самой себя. Но предел ее творческого акта не бесконечен. Когда наступает «истощение» эпохи, она сама порождает причины собственной гибели, отчаянно защищая свою систему ценностей, не отпуская одновременно умы человеческие из объятий непосредственного влияния надолго.

Однако взаимосвязь и взаимозависимость этноса и эпохи друг от друга вовсе не означает, что этнос есть только социальное явление. Поскольку эпоха есть всего лишь часть этноса, или социальный фон и объективные условия — факторы, накладывающие отпечаток на весь облик этноса, социальное не может определить его сущность и природу.

Существование этноса предшествует его природе. Природа этноса вторична. Ее содержание наполняется непрерывным актом его существования как воли к жизни.

Основной исток существования этноса – смысл существования. Вне смысла нет и существования.

Само существование есть неделимая, недискретная сплошная текучесть, когда этнобытие лишь полагает наличие этноса (бытие по Канту - есть полагание вещи), указывает на его признаки, свойства («собственные определения» – Гегель) в статике.

Существование как философское понятие отражает не только связи, не отношения этноса, а также его состояние (материальное и духовное) существования, мироощущения и миропонимания.

Основное состояние этноса – ощущение необходимости борьбы за свое единство. Она абсолютна, не преходяща. Состояние борьбы за единство определяется соотношением внутренних и внешних (дифференциации и интеграции) процессов самовыражения этноса. Процесс дифференциации историчен, он присутствует в каждом этносе, как и интегральное начало. Дифференциация в себе как процесс выступает в роли обеспечения структурного единства этноса. Его элементы снабжаются дифференциацией – свойством разбегаться в стороны внутри природы этноса, которая не отпускает их за пределы своей компетентности. Внешняя разнонаправленность поведенческих актов, некоторые различия элементов этноса между собой не разобщают а, наоборот, отталкиваясь друг от друга, они создают сами себе на этой основе поле притяжения, которое охраняется монолитной системой существования этноса.

Так, англичане включают в свой состав англов, саксов, датчан, норвежцев и западных французов из Анжу и Пуату, а современные испанцы – это смесь древних иберов, кельтов, римских колонистов, германских племен, арабов-семитов, мавров, туарег-хамитов, норманнов и каталонцев и др. Или взять кыргызский этнос, который состоит из множества племен: саяк, солто, сарбагыш, буту, монолдор и т. д.

Любой этнос имеет свою структуру, хотя она у каждого индивидуальна, неповторима. И ее поведение тоже индивидуально. К примеру, структура кыргызского этноса проявляет себя в основном в трайбализме. Трайбализм внешне «уничтожает» внутреннее единство кыргызского народа, но он защищает его структуру, которая сформировалась веками в условиях кочевого образа жизни. Изменения структуры кыргызского этноса (путем этногенетических процессов и др.) повлекут за собой коренной переворот в образе жизни, в умах представителей данной этнической общности. Народ войдет в новую для него фазу своего этногенеза.

Интеграция в себе есть реализованная форма существования структурного единства этноса. Она бытийствует как потребность в общении вовне, как постоянное желание этноса входить в трансцендентный мир, то есть выйти за пределы своей природной стихии с целью познания самого себя со стороны. Иначе говоря, познать себя посредством себе подобных, их различий. Однако выход этноса на контакт с другими этносами характеризуется понятием «интеграция для себя», которое за пределами границы отдельного этноса приобретает свойство открытости, толерантности ради познания собственной сущности, хотя вхождение этноса в чужую духовную ойкумену разрушает его структуру, раздваивает как целостность. Поэтому ни дифференциация в себе, ни интеграция в себе в отдельности не могут обеспечить существование этноса, только их единство создаст условный фактор его развития и структурного единства. Следовательно, дифференциация и интеграция есть две тенденции в существовании этноса, которые обеспечивают как бы его «обмен веществ» – основу жизнебиения внутри этноса. Но на контактной полосе границ этносов тенденции дифференциации для себя и интеграции для себя осуществляют роль охраны индивидуальности каждого этноса и принципа дополняемости их друг другом.

Формы существования этноса различны: материальная, духовная и трансцендентная (или дуалистическая). Они детерминированы самой природой этноса и содержанием объективных и субъективных обстоятельств его существования.

Материальная форма существования – это тип материально-хозяйственной деятельности этноса. Духовная форма наличного бытия этноса предполагает его культурные ценности. Однако нельзя сам субстрат (этнос) сводить к формам его существования. Этнос, как полагает Л. Гумилев, также не является географическим феноменом. Отсюда существование есть не только подражание и приспособление этноса к внешним условиям бытия, оно, прежде всего, означает активную творческую реакцию этноса на воздействие географической

среды. Именно опережающее отражение – (активная реакция), а не нечто иное, формирует характер и психологию этноса.

Различия географических ландшафтов определяют и различие форм физического существования, и степень энергичности реакции у этносов. Поэтому у одного народа характер и психология одни, у другого – другие. Не ландшафт или географическая среда формируют сами по себе характер этноса, а непрерывная активная реакция его на нее ради выживания, что закрепляется потом за этносом как определенный стереотип поведения.

Трансцендентное есть пограничная или дуалистическая форма существования этноса. Она находится на стыке границ материальной и духовной форм существования этноса. Такая форма представляет собой существование этноса в пришедшем извне инонациональном, которое еще не стало элементом внутренней природы самого этноса, но является его частью.

Поступление инонационального, чужого в зону контакта этноса – непрерывный процесс. Интеграция для себя как тенденция к открытости, к общению на «ничейной границе» с себе подобными является условием и основой возникновения трансцендентного.

Философия существования этноса еще не разработана. Сама реальная жизнь этноса или его экзистенция содержит в себе ответы на многие вопросы, над решением которых ломали головы выдающиеся философы всех времен. Философские вопросы существования этноса подменялись солиологизацией сущности этноса, при этом он переставал функционировать как живая биологическая система. Многие проблемы философии существования этноса «растасканы» различными гуманитарными науками: лингвистикой, психологией, этнографией, этнологией, историей, которые неотступно продолжают исследовать национальную культуру, психологию и национальный характер, возрасты этносов, характер фаз этногенеза, закономерности взлетов и увяданий этносов и т. д., без наличия философской методологии исследования и общей теории существования этносов.

В существующей теории этносов, построенной на подчинении этнического социальному, общечеловеческому, до сих пор господствуют классические принципы рационализма, оставляя при этом саму «жизнь» этноса, проблемы его конкретного существования вне поля зрения.

Философия существования кыргызов в эпосе «Манас» есть синтез кочевых цивилизаций различных эпох и времен. Она носит всеобщее содержание даже при ее эмпирической реальности и отсутствии научного категориального аппарата. Подобное явление для ортодоксально мыслящего исследователя – бесспорный нонсенс.

Основу и содержательный смысл философии существования в эпосе «Манас» содержит в себе понятие «национальный дух». Его содержание и условия существования составляет идея национального единства. Она здесь выступает как духовная форма индивидуальности. Мало того, идея национального единства, живя в структуре национального духа, разворачивается как предпосылка формирования самосознания кыргызов.

Национальный дух в эпосе «Манас» есть временное событие. В данном качестве он сходен с наличным бытием. Следовательно, он не только существует, движется с помощью рефлексии знания, а становится самой яркой и подлинной действительностью. Это «совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» (А. Лосев). Национальный дух кыргызов в эпосе «Манас» есть проявление их жизни и форма самопознания. Иначе говоря, осознание собственной индивидуальности и значимости в форме неистощимой духовной энергии.

Нельзя забывать о том, что любое научное предположение мифологично, если оно ближе к действительности. Следовательно, сама идея о национальном духе тоже мифологична.

По мнению Лосева, «наука не рождается из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда мифологична» [5]. Мы солидарны с его мнением. Ибо наука в себе, наука сама по себе – чистая наука. Как таковая она никогда не существует. Чистая, отвлеченная наука – немифологична. Немифологична механика Ньютона, взятая в чистом виде. Но реальное оперирование с механикой Ньютона привело к тому, что идея однородного пространства, лежащая в ее основе, оказалась единственно значимой идеей. А это есть вероучение и мифология.

Национальный дух по философской линии эпоса «Манас» есть космическое или общепланетарное состояние сознания этноса, отдельно взятой личности. Ибо национальный дух в потенции есть основание и источник существования любого народа, его связь и выход на внешний мир.

Дух нации всегда стремится к целостности мышления и активной деятельности. Целостность не свойство его, а, скорее всего, основание. Именно с этой точки зрения можно предположить, что идея национального единства в эпосе выступает в качестве самоисточника обеспечения духа народа энергией и движением. Вне целостности нет национального духа. Нарушение естественных форм «поведения» и существования ее целостности приводит к сопротивлению, конфликтам.

Поэтому национальный дух кыргызов в эпосе «Манас» есть идея о целостности, а не есть идея о самосохранении, о выживании в борьбе против врагов любой ценой. Такая интерпретация принизила бы дух и значимость эпоса в целом.

Вопросы физического самосохранения и выживания есть лишь момент экзистенции кыргызов в эпосе «Манас», ибо идея о самосохранении, возникающем на основе родового инстинкта, сама по себе еще не спасла ни один народ.

Идея целостности, прежде всего, понятие духовное. Оно совмещает в себе своеобразный неповторимый духовный мир кыргызов и другие духовные галактики народов. Физическая борьба кыргызов в форме бесконечных войн против врагов есть всего лишь проявление совокупной воли и самоутверждения народа.

Чувство страха. Существование этноса обретает свою значимость лишь благодаря чувству страха. Существование как «постоянное повторение одного и того же» уничтожает собственную целостность, предав ее в объятия вечности по доброй воле. Только страх приводит его в чувство, замедляя его разбег в абсолютное пространство вечности мелких забот и перевоплощений.

Этнос глубоко осознает свою целостность только в критической ситуации, когда ставится под угрозу его существование, длящегося на протяжении тысячелетий. Страх сплачивает представителей этноса вокруг него, что создает возможность возникновения веры в то, что этнос есть гарант их существования.

Этнос беспрестанно борется за сохранение языка, культуры и традиций, без которых он не может существовать. Но ему это неотступно напоминает только чувство страха за свое существование.

Страх сопровождает его на всех этапах существования. Страх есть природное свойство этноса, который адекватен инстинкту самосохранения у животных. Страх потерять целостность постоянно толкает этнос на замкнутость, порождает в нем национальный дух или, по выражению Л. Гумилева, пассионарное напряжение. Чувство страха – непреходящее состояние этноса. Оно постоянно предвкушает неудовольствие и недоверие к настоящему, пытается спасти этнос от возможного растворения в других и потери свободы. Чувство страха гоняет этнос повсюду за призрачной действительностью угрозы, которая могла бы исходить от кого бы то ни было. Оно жаждет преодолеть себя в иллюзорной уверенности и все время тешит себя надеждой, что может обрести ее, лишь добившись превосходства над другими или посредством установления дружественных отношений с себе подобными.

Чувство заброшенности. Этнос всегда чувствует себя одиноким, заброшенным в мире чужих реалий. Он чем дальше находится в стихии инонационального бытия, тем больше заряжается энергией и желанием возвысить свое, родное. Чувство заброшенности в подобной ситуации усиливает национальное самосознание, отчуждает себя от других.

Смена духовных состояний этноса, исторические катаклизмы и переходный период от одной эпохи к другой приводят к необходимости обновления национальной идеологии, наступает в этот промежуток времени социальная анемия, которая вызывает у этноса раздвоенность, разочарование в настоящем, неуверенность в будущем. Если при постоянном сопровождении страха духовное состояние этноса испытывает напряжение, отчаянно стремится к своим истокам, то заброшенное состояние разлагает этнос, разобщает его с историческим и будущим, настоящее становится разорванным, а прошлое дезориентированным на будущее, поэтому оно начинает подминать под себя настоящее, заставляет его слепо копировать себя, отвлекая от неясности, неопределенности будущего.

Чувство заброшенности постоянно сопровождало этнос в советское время лишь в результате непризнания национальной идеологии, замены ее государственной, коммунистической. Даже такая высокогуманная коммунистическая идеология не смогла ужиться с национальной идеологией, вытравить из его сознания естественную ностальгию по ней.

Чувство комплекса неполноценности. Любой этнос закомплексован в силу наличия естественных, социально-экономических и культурных различий народов как по содержанию и форме, так и по уровню и степени их развитости. Это означает, что не различия между ними закомплексовывают их сами по себе, а только их наличие как объективная данность. Психология восприятия этносом различий такова, что она фиксирует лишь сам акт наличия различий, не затрагивая их содержательной основы, только затем делаются обобщающие выводы о том или ином народе. В результате мы получаем искаженную, ненаучную информацию о конкретном этносе в форме национализма или шовинизма.

Чувство комплекса неполноценности – естественное состояние этноса. Ибо каждый этнос обладает самонимением, особым отношением (отрицательным или положительным) к другому этносу. Иначе быть не может. Как показывает история, различные формы патриотизма даже по содержанию определяют неполноценности. Стремление к великодержавию, самосохранению и равенству предопределено также объективным началом чувства комплекса неполноценности. Великодержавие, которое присуще в большей степени большим развитым народам, удовлетворяет их иллюзорное чувство национального величия и превосходства.

Чувство превосходства или мечты о великодержавности у малых народов можно отнести к кризису их души. Каждый этнос неоднократно переписывает свою историю, желая показаться перед другими только в благовидном положении. Исторические события преподносятся этносом лишь с точки зрения самоутверждения и самолюбования. Еще точнее, каждый этнос свою историю пишет сам, он ее не доверяет другим. Если подобные факты в истории встречаются нередко, то даже в этом случае трудно избежать субъективности. Здесь происходит обратный процесс, т.е. человек, который пишет историю другого этноса, бессознательно навязывает в какой-то степени отношение и психологию восприятия своего народа. Поэтому объективная история того или иного народа равна только самой себе.

Существуют две формы комплекса неполноценности у этносов. Первая форма – это естественное чувство отчуждения одного этноса от другого. Или чувство самолюбования и высокомерное отношение к другим. Вторая форма представляет собой социальные аспекты комплекса. Точнее, социальные условия и причины порождения комплекса неполноценности. Это различные формы социального насилия более развитого этноса

по отношению к малым народам, как насильственная ассимиляция, вытеснение родной культуры и языка, замена их чужими в целях цивилизации значительно отставших в своем развитии этносов.

Внедрение инородной культуры в целях духовного порабощения в систему противоположного исторического типа духовного гумуса того или иного народа порождает «калигулов комплекс», вызывает недоверие и глухую замкнутость.

Чувство толерантности. Вопреки изначально существующим культурным, психологическим «демаркационным границам» между этносами имеет место неизбывная потребность в общении и постоянном взаимообогащении их друг другом. Данная потребность вынуждает этносы относиться друг к другу терпимо, в результате чего появляется пограничная зона, в которой они достигают доверия и взаимоуважения.

Чувство толерантности имеет двойственную природу. В одном случае чувство толерантности перерастает в дружбу, в другом – становится удобным условием для социального насилия.

Чувство толерантности существует на границе разума и веры. Оно, как реальная данность, отражает лишь единичное, индивидуальное, следовательно, само по себе не может осознать объективность единства различных этносов. Поэтому подобная всеобщность осознается лишь на уровне разума, ибо разум есть самообщее. В данном случае вера играет роль «повивальной бабки», т. е. способствует выходу за пределы демаркационных границ недоверия и вражды. Именно вера в силу разума превращает его в надежный инструмент налаживания компромиссных взаимоотношений, необходимых для развития и созидания каждому этносу в отдельности. Поэтому чувство толерантности производно от разумной потребности этносов в гуманизации их эгоистических интересов. Данное чувство осознается лишь на уровне боязни одиночества и заброшенности.

Литература

1. *Отто Бауэр* Национальный вопрос и социал-демократия. - М., 2004. - С. 38.
2. *Дж. Неру* Взгляд на всемирную историю, т. 3. - М., 1989. - С. 418.
3. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. - М., 1972. - С. 315-321, 350-361.
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. - М., 1994. - С. 155.
5. *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. - М.: Издательство «Мысль», 1994. - С. 20.